

Татяна Кулакова

Вернись в Реджио

Итальянские повести

Татьяна Кулакова

**Вернись в Реджио.
Итальянские повести**

«Издательские решения»

Кулакова Т.

Вернись в Реджио. Итальянские повести / Т. Кулакова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963821-2

Повесть «Вернись в Реджио» рассказывает об Италии, о жизни там «трудовых мигрантов» — бывших граждан Советского Союза, о дружбе и любви, о том, что сближает русских и итальянцев.

ISBN 978-5-44-963821-2

© Кулакова Т.
© Издательские решения

Содержание

Оставить отзыв: vk.com/tacyna , @otdyh_v_italii	6
ГАЛЛИНА	7
2	9
3	12
4	13
5	15
1	17
6	18
7	21
ВЕРНИСЬ В РЕДЖИО	22
ЧАСТЬ 1	23
ДАША И ПЬЕТРО	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Вернись в Реджио Итальянские повести

Татьяна Кулакова

© Татьяна Кулакова, 2019

ISBN 978-5-4496-3821-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оставить отзыв: vk.com/tacyna, [@otdyh_v_italii](https://vk.com/@otdyh_v_italii)

© *Татьяна Кулакова, текст, 2018*

ГАЛЛИНА

итальянская повесть

* * *

Витрины, витрины. Они освещают этот душный город на берегу красивого моря, которое я так давно не видела. А всего-то две улицы пройти. Но работа не пускает.

Я иду вдоль витрин. Опасно здесь, в Реджио. Можно погибнуть на дороге. Потому что узко. И если машины сталкиваются, то образуется пробка. И води-тели нервно гудят. Как сейчас. Но это хорошо: машины в пробке стоят, и я легко пробегаю между ними. В другое время машины носятся как угорелые.

Иногда мне кажется, что лучше встретить свой последний час на автомобильной дороге. Умирать так, как те, за кем я ухаживаю, не хочется.

Наконец подхожу к двери с кольцом.

– Здравствуй, Антония! Здравствуй, Мария!

Встретив меня, Антония уходит. На прощание она не целует свою маму, Марию. Брезгует.

Я подхожу к своей подопечной:

– Ну, здравствуй, бабушка! Как ты?

Беру Марию за руку. Выглядит она неважно: лицо бледное, глаза стеклянные. Мне кажется, сегодня пришел ее час.

Мария, Мария... Ты важна мне, потому что я чувствую тепло твоей руки. А в остальное время я оди-нока. Хотя здесь полно людей, которые хотят познакомиться со мной. Сколько их, в течение дня вопрошающих: «Как у тебя дела?» И я отвечаю им «сто бене», то есть «все хорошо». И я целую их свежие щеки, получаю живой контакт, а иногда герпес вместе с ним.

Сколько их, в течение дня вопрошающих: «Галлина, ты сделаешь мне уборку в четверг?», «Галлина, ты посидишь с моими детьми?»

Спрашивая, они даже не понимают, что мое имя не «Галлина», а «Галина». Просто «галлина» по-итальянски – курица. Ругательство. Они говорят «гал-лина», когда ребенок, например, упадет. Легкая такая насмешка, типа русского «корова». Я живу здесь пять лет, язык изучила, и слышать в свою сторону «корова» мне неприятно. Мое имя – «Галина»! С одним «л»! Но эту разницу итальянцы не хотят понимать.

Сколько здесь таких, как я? Об этом можно узнать на празднике Пасхи в нашей православной церкви. Храм набит битком. Кто-то сидит с бабушкой, кто-то – с парализованным мужчиной, кто-то – с больным ребенком. Мы, люди из бывшего Советского Союза, привыкли к тяжелой работе.

Как хорошо, что Мария спокойна сегодня. Её не преследуют видения. Она не кричит, не зовет на помощь. Нэхай.

– Галлина, – произносит Мария... Или мне почудилось? Уход за такой больной женщиной и до галлюцинаций может довести.

– Галина...

Она бредит. Зовет курицу. Одну из тех куриц, которых кормила, когда была девочкой.

Когда я была маленькой, меня тоже ругали. «Русской свиньей» называл меня дедушка, хотя я вовсе не русская. Правда, родилась в Пушкине, в доме бабушки со стороны отца. Но потом родители разошлись, и мы с мамой уехали к дедушке на Украину.

Когда дед ругал меня, вспоминал, что так его называли фашисты, когда заняли его дом под Харь-ковом. Может, среди этих фашистов был и муж Марии? Ведь там стояли и итальянские части.

Я сжала руку старушки и подумала о том, что будет, если она закроет глаза навсегда и её дети попросят меня поискать другое место. А эти мысли каждый раз возникают, когда мой клиент умирает. И гадко становится. Нет, не хочу. Буду держать её за руку и с её теплой ещё рукой вспоминать свою жизнь.

Мама воспитывала нас с сестрой одна. Конечно, ей помогали родители, но мы были для них обузой.

– Галлина, – позвала Мария и сжала мне руку. Я посмотрела на неё. Мне показалось, или её глаза сверкнули?

Сейчас Мария умрёт. И я останусь одна, пока не появится в моей жизни другая Мария. Не хочу. И я обращаюсь к ней, как к несмышленому ребёнку – с надеждой:

– Там, за городом, гул пятиметровых волн. Я бы съездила туда.

Мария пошамкала губами. Есть захотела. Когда она ест, я подкладываю ей салфетку на грудь и перекладываю руки, чтобы они не затекли.

– Хорошо бы съездить туда вместе, – добавила я.

И тут в глазах Марии промелькнула мысль. Это был её последний взгляд...

А потом я закрыла ей глаза...

– Пронто? Да, Антония. Ты вовремя позвонила. Твоя мама умерла. Сожалею. Что? Я могу оставаться в этой квартире сколько захочу? Нет, спасибо. Знаешь, я, наверное, уеду. За эти годы я скопила немного денег, хочу уехать, пожить несколько месяцев в другой стране. Меня как раз подруга зовет. Нэхай. Что я сказала? Я сказала «пусть будет так».

Всё изменится. И я увижу море.

2

Я нарочно разговариваю с Энрике так, как будто мы с ним любовники. Это подбадривает его.

На самом деле, я с ним, потому что работаю у него. Мой Энрике – вдовец. Он болен. «Чем он болеет?», – спросила бы моя подруга Марина. Сложно ответить. Да и нужно ли мне разбираться в его болезнях? То у него бронхит, то камни в почках, то аритмия, то озноб – каждый день что-нибудь новое. В восемьдесят пять лет иметь недуги нормально.

Недуги тела и недуги души... Впрочем, то, что я считаю «недугами души», для итальянского старика, как видно, «любовь». Энрике всё ещё ухаживает за женщинами. Сейчас предмет его обожания – я. Нужно ли мне это? Нужно. Приятно быть боготворимой.

Энрике странный. С одной стороны, заставляет ходить в храм, с другой – не стесняется своей наготы. Я помогаю ему раздеваться. Он много шутит со мной. И я отвечаю шутками. За его хорошее настроение мне и платят.

Я называю его Энрике «мой». Он и правда «мой», потому что он – единственный, кто сразу назвал меня правильно. Остальные там, в Реджио, говорили с двумя «л» – «Галлина».

Он назвал меня Галина и сразу стал симпатичен.

Внешне он мне ещё в Реджио понравился, когда нас познакомили.

Я там приходила к нему убираться, и Энрике всегда встречал меня «при параде»: в свежей рубашке, в шортах, в ковбойской шляпе с широкими полями. Провожая в комнату, он дымил сигарой – наверняка кубинской. Он напоминал мне гангстера. Как-то, увидев дырку от пули в витрине магазина недалеко, я даже подумала, что это его рук дело. Но если он и имел когда-то отношение к криминальному миру, то давно отошёл «от дел» из-за своих болезней.

Я была удивлена, узнав, что он – граф. Вот она, демократия. Каждую неделю я прибиралась у графа, а он разговаривал со мной по-свойски и даже диплома не спросил.

В Реджио он уже был болен. Но скрывал это. А когда сын забрал его на север, в деревушку Сакраменто, он слёг и позвал меня к себе.

Я приехала. Хожу сейчас по дому его сына, Андреа, ищу чистые простыни для Энрике. Дом – незнакомый, так просто простыни не найти. На пути к Энрике я вижу стеклянный шкаф с книгами. Похожий шкаф стоял в нашей деревне под Харьковом, но книг у нас было больше.

Помню, в детстве, у бабушки даже имелся Ирвинг Стоун «Муки и радости» о любимом итальянцами Микеланджело.

Тогда именно в советской глубинке можно было достать любые дефицитные книги. Кстати, они стоили совсем недорого. Некоторые в деревне использовали книги как растопку. Конечно, не бабушка. Она родилась в городе Пушкине, в Ленинградской области. У нее всегда лежала на столе книга. Мне нравился книжный запах.

В комнате Энрике книг нет, зато чувствуется дух лекарств, перебивающий аромат новой древесины. К переезду Энрике здесь сделали ремонт. Паола, его невестка, сокрушается: «Ремонта совсем не видно: ни панелей, ни модного дивана, ни телевизора!» Всё заслонили привезённые Энрике старые вещи: позеленевшие бронзовые настенные часы, кровать с резной спинкой и лохматым пледом, чёрно-белые фотографии фронтовых друзей в рамках. Из Реджио привезли даже вязанные крючком салфетки.

Опять Энрике зашёл в хриплом кашле. Я взяла полотенце, намочила его и вытерла капельки пота со лба. Какие же редкие у Энрике волосы! А может, они были такие и раньше, но я не замечала под шляпой. Почувствовав мой взгляд, Энрике открыл мутные со сна глаза.

– Завтрак был чудесный, – улыбнулась я, имея в виду утренний капучино.

– Да? Ты использовала блюдце? И пальчик, когда кофе пила, не оттопыривала?

– Конечно, – поправляю ему подушку. Разрешаю ему учить меня хорошим манерам. Нэхай. В детстве так делала моя бабушка. Но я от неё отмахивалась: казалось, к чему знать этикет? У бабушки учиться не стала, а у Энрике – учусь. Семьи, в которых я работаю, не бедные. В них прислуга с хорошими манерами ценится.

Посмотрела на часы – время принимать лекарства. Под зорким взглядом Энрике взяла поднос, поставила на него стакан, развела в нём порошок, подала ему.

Он одобритительно кивнул – поднос не забыла! А потом, словно стесняясь нынешней слабости, ударился в воспоминания:

– Помнишь, как в Реджио мы случайно встретились на улице Корсо Гарибальди и я угостил тебя кофе?

– Помню, – слукавила я. Сколько их было, мужчин, которые приглашали меня на кофе на той центральной улице южного города Реджио!

– Возьми меня за руку! – попросил Энрике и, не дождавись разрешения, легонько погладил меня по руке.

– Нет, – отстранилась я. Энрике все границы переходит! Одно дело – «играть в любовь» с помощью слов. И совсем другое дело, когда в ход идут прикосновения.

Вышла в свою каморку. Там всё ещё стояла корзина с семейным грязным бельём. Бросила туда майку Энрике, надела кофточку с длинным рукавом и почувствовала, что успокоилась.

Вернувшись к постели Энрике, тихо ему сказала:

– Ведь по правилам этикета мужчина не должен брать меня за руку.

– Если только этот мужчина не поклонник, который готов сделать предложение руки и сердца, – Энрике закашлялся, но продолжил: – Который готов!

Один мальчик кавказских кровей тоже готов был жениться. Я тогда в одиннадцатый класс ходила. Как я позже узнала, предлагал жениться он не только мне, но и моей подруге.

Итальянцы, флиртуя, замуж не зовут. А вот в любви признаются всем подряд.

Я повернулась к стенному шкафу – за свежей рубашкой.

– Дай мне жёлтую, в крупный цветок! – просит Энрике. Он равнодушен к одежде. Таковы все итальянские мужчины.

Нет, ни за что не выйду замуж за итальянца! У них странные семейные традиции, особенно у южан. Любят жёнам указывать. Разве, выйдя замуж, я не потеряю свою независимость? Единственное, что у меня есть – моя независимость!

К счастью, меня ещё ни разу не звали замуж. Только намекали.

Протягиваю Энрике свежую рубашку. Он очень чистоплотный.

– Что в церкви? – интересуется мой подопечный.

– Проповедь читала монахиня, – отвечаю.

– Кошмар! И в доме Бога командует женщина! Не по правилам, – возмущается Энрике.

– Монахине я понравилась.

– Скажи, а женить нас тоже женщина будет?

Натягивая рубашку, Энрике опрокидывает стакан с водой. Жидкость проливается на пол, но он словно не замечает этого.

– Осторожнее, – поднимаю я стакан. А ведь в Реджио он был аккуратнее. И вежливее.

– Ты – моя будущая жена! – кричит он. Вместо ответа я беру пустой стакан, выхожу в кухню. Боюсь нагрубить Энрике. Но нельзя. Он слаб.

– Галлина, здравствуй! Как дела? – останавливает меня в коридоре невестка Энрике, Паола – типичная сорокалетняя итальянка, основная забота которой – составить меню ужина. Интересно, Энрике хочет сделать из меня подобие Паолы?

– Спасибо, все хорошо, – машинально отвечаю Паоле.

Вспомнилось, как в школе на уроке английского нас учили говорить «все хорошо». Учительница восхищалась: «Вот видите, там, на Западе, всегда интересуются человеком». В ита-

льянском языке тоже есть вопрос «Как дела», который предусматривает ответ «Всё хорошо». Но, по правде сказать, спрашивая о твоих делах, итальянец просто следует местной привычке. Ему безразличен твой ответ.

У тебя может быть плохое настроение, головная боль, ты можешь переживать по поводу забытых где-то ключей, но на вопрос «Как дела?» ты, по правилам, отвечаешь: «Всё хорошо». Потому что это вежливо. За этими словами стоит: «Возможно, у меня всё паршиво. Но я уважаю твоё хорошее настроение и никогда не признаюсь в этом». За пять лет я так много раз совершила этот ритуал с «Как дела» – «Все хорошо», что стала относиться к нему как к разминке перед другой ложью. Соврав «Все хорошо», потом легче соврать в другом.

– Галлина? Ты меня слышишь?

– Что?

Убедившись, что я снова с ней, Паола продолжила:

– Врач сказал, что долго он не проживёт. У него подозревают рак.

Сердце сжалось. Рак? Серьёзное слово.

А Паола его произносит, словно щебечет. Какая же она чёрствая!

– Когда он умрет, мы вместе сядем на поезд и проедем на юг, в Реджио, – продолжает Паола. – Там его похороним. А потом вернемся вместе. И подыщем тебе иную работу. Мы оплатим твой проезд.

– Спасибо вам! – с чувством пожимаю ей руку. Веду себя так, словно благодарна ей. Лукавлю. На самом деле, удивляюсь тому, что пока Паола планирует смерть Энрике, он думает о женитьбе. Наверное, такое возможно только в Италии.

Паола, взяв поднос с двумя дымящимися чашками кофе, уходит. Не оборачиваясь, она бросает:

– Кстати, помой, пожалуйста, тарелки.

Я ей что, служанка? Ладно, может, пока я буду мыть, Энрике заснёт и не станет донимать меня своими выдумками с женитьбой.

Поведение Энрике типично для Италии. От других украинских девушек я слышала, что старые мужчины здесь частенько сходят с ума от любви.

Планировать расходы, связанные со смертью, – тоже местная традиция. Разговоры о том, как пройдут похороны, начинаются задолго до смерти. Уж это я знаю точно. Столько старушек в последний путь проводила. А вот, когда умерла моя бабушка, денег на её книжке оказалось мало. Удалось лишь перевести бабушку из Харькова на родину, в Пушкин. Я была не готова к её смерти – даже на похороны прилететь не смогла.

И ни разу не принесла цветов на её могилу. Жалею ли я об этом? Не жалею. В моём сердце она всё ещё жива – энергичная, невысокого роста, с темными глазами, смотрящими прямо в душу.

Теперь, спустя четыре года, я поняла, почему чувствую себя всё время в пути. Потому что мечтаю накопить денег и слетать на могилу самого близкого мне человека. Я должна отдать этот долг.

3

– Милая! Где ты? – кричит Энрике.

– Иду!

Вхожу. Вижу его и чуть не роняю чистую посуду. Он сидит! В чистой рубашке! В его руках сигара. Хорошо, что он не зажёт её. Но шляпу свою надел. Ту, что в Реджио любил носить. Только глаза его выглядят странно. Выпучены. Видимо, от приступа кашля.

– Зачем вы встали? – спрашиваю я.

– А ты замуж за меня выходи. Тогда узнаешь! – с усилием отвечает он и продолжает кашлять.

Я вздыхаю. Дело даже не в возрасте Энрике.

Выйти замуж за итальянца – значит, вступить в клан. Не хочу!

– Вы сами переоденетесь, или мне помочь? – спрашиваю.

– Я сам.

– Тогда выхожу, – открываю дверь, сталкиваюсь с Паолой. Значит, она подслушивала? Правильно. А как иначе? За таким стариком, как Энрике – глаз да глаз. А то ещё отчудит что-нибудь.

Прохожу в кухню, наливаю ему стакан воды.

– Уехала бы ты отсюда, Галлина! – говорит мне Паола в спину.

Резко поворачиваюсь. Паола ещё не успела спрятать чувства под улыбку, и я вижу ревность, злость, возмущение, брезгливость. И всё из-за меня?..

– Ты брезгуешь мной? Или своим свёкром? Или нами обоими? – тихо говорю я по-русски.

– Что? – спрашивает меня Паола по-итальянски.

– Извините, я забылась, – отвечаю я ей на итальянском. И добавляю: – Не могу бросить Энрике. Я ему обещала.

Паола пристально смотрит на меня. Наконец говорит:

– Понимаю.

Паола идёт на кухню – готовить.

По пути в комнату я вздрагиваю от глухих ударов сверху. Через секунду понимаю, что нет причин для паники. Это внуки Энрике решили в футбол в спальне поиграть. Ставлю на место прихваченную было книгу – «Притчи» Леонардо да Винчи – из-за шума всё равно не почитать.

А потом я вижу Энрике на полу. И мне кажется, что я сплю. Он силился поднять себя руками, рот его открыт.

– Паола! – крикнули я.

«Скорая» приехала не скоро.

4

До приезда врачей старика оставили лежать на полу. Побоялись, что станет хуже, если тронут его. Ведь неизвестно, что с ним. Вдруг инфаркт? Подушку под голову я ему всё же положила. И пледом укрыла. Хотя лучше бы подсунуть плед под тело. В итальянских домах пол – не линолеум, как у нас, на Украине. Это холодная керамическая плитка. На ней не полежишь – простудишься.

К счастью, Энрике недолго так лежал. Через час приехала «Скорая». Но поднимать старика с пола и перекладывать на кушетку не спешили. Сняли кардиограмму, померили давление. Наконец увезли Энрике. И я впервые за долгое время я легла спать в десять часов вечера. Обычно мы с Энрике в это время ужинаем.

Легла я пораньше и чувствую – чего-то не хватает. Какой-то суеты, волнения, разговоров. Энрике не хватает. Долго ворочалась. С трудом заснула.

На следующее утро мы с Андреа, сыном Энрике, поехали в больницу, в город Тренто. По пути Андреа трещал как сорока, рассказывал историю этих мест. Он совсем не выглядел испуганным. Притворяется или правда не переживает за отца? Я так и не смогла понять.

Андреа много говорил о Тренто. Словно мы на экскурсию ехали, а вовсе не в больницу спешили. Он что, совсем об отце не волнуется?

– ...А зимой здесь выпадает снег, – продолжал Андреа.

– Крупный? – оживилась я. За пять лет в Италии я соскучилась по снегу.

– Снег здесь – как в горах возле Реджио. Мелкий. Бывает красиво, – он говорил, не отрывая взгляд от дороги.

Наконец мы приехали. Тренто, действительно, отличался от других итальянских городов. В центре – здания, снаружи расписанные фресками на библейские темы. Андреа, увидев моё удивление, гордо сказал:

– Здесь такие дома, как в Австрии.

А больница в Тренто оказалась типичная, итальянская: большое белое здание-коробка. В подобном госпитале и я бывала в Реджио.

В реанимацию нас не пустили.

– Приезжайте завтра. Его переведут в обычную палату, будете ухаживать за ним, – сказала медсестра, и Андреа посмотрел на неё. Взгляд его был оценивающий, снизу вверх. Мне отчего-то стало неприятно. Я не выдержала, дёрнула его за рукав:

– Едем?

На обратном пути Андреа рассказывал, что отец всегда был человеком авторитарным. Так и сказал, «авторитарным».

Отец никогда не прислушивался к желаниям других. Даже ранняя смерть жены (мать Андреа умерла от диабетической комы) не повлияла на его отношение к миру. С Андреа он всегда начинал разговор со слов – «ты должен».

По его настоянию Андреа поступил на философский факультет в Мессине, в городе, который находится через пролив от Реджио.

– Он всем рассказывал, что я учусь в университете. Это было необычно. В самом Реджио университетов нет... Никто ему не верил. Но отец не понимал, как это тяжело, каждое утро переплывать через пролив, борясь с тошнотой. У меня морская болезнь... При первой возможности я уехал на север. Вот, работаю сейчас учителем. Доволен. Отец больной – при мне.

Я слушала его, а сама смотрела на дома, которые мы проезжали. Среди них были и дома с написанным маслом ликом Богородицы на фасаде.

Зазвонил телефон, закреплённый на лобовом стекле машины.

– Это паршивец Чезаре! Послушай! – протянул мне трубку Андреа. – Мне не дотянуться!
Я веду машину!

Я ответила на звонок. Чезаре, десятилетний сын Андреа, кричал:

– Папа, папа! Я пойду с ребятами на пикник в горы? Ты разрешаешь?

К счастью, я успела включить динамик, и Андреа услышал просьбу сына:

– Нет! В прошлый раз, когда вы не вернулись вовремя, мы тебя полночи искали!

– Хорошо, тогда я у мамы спрошу! – Чезаре отключился.

– Вот паршивец! Десять лет, а уже свою игру ведёт. Если я не разрешаю – маме звонит.
И наоборот. Мы с женой часто ссоримся из-за детей.

Я хмыкнула. Дети Андреа – Чезаре и малышка Паулина – самые избалованные дети, которых я видела в жизни. Они всюду разбрасывают свои вещи – и в холле, и в кухне, и, наверное, в своих комнатах на втором этаже, в которых я никогда не была... Был бы Энрике здоров, он такого бы не допустил. По-иному воспитывает Андреа детей, не так, как его отец.

А мы, между тем, резко свернули налево и увидели небольшую сосновую рощу. Вот они, деревья, стоят веками на этой дороге, посаженные чьей-то заботливой рукой. Кто ухаживал бы за этими соснами, если бы все местные уехали отсюда?

Между тем, Андреа размышлял вслух:

– Интересно, сколько стоит квартира отца в Реджио? Продать её – и на землю в Сакраменто хватит.

Нет, не нужен старик своему сыну. Обидно за Энрике. Что я, с ума сошла? Ещё недавно чужой человек – размышляю о делах семьи Энрике. Да потому что он сделал мне предложение. Завтра я могу выйти за него замуж. А послезавтра он умрёт.

5

Едва мы вернулись, как Паола постучалась в мою каморку. Вошла, не дождавшись ответа, накручивая прядь на ноготок. Одета, как всегда, немного вычурно. Любят деревенские синьоры наряжаться, даже если собираются «гулять до соседки».

– Дорогая! Не приготовишь нам спагетти? – слащаво улыбнулась Паола.

У меня аж рот открылся. Во-первых, мысленно я уже ощущала себя синьорой, женой Энрике. Во-вторых, меня нанимали сиделкой, а не поварихой. Хотя... Зачем накалять обстановку? Приготовить еду – это даже в некотором роде честь. Итальянцы боготворят то, что они едят. Да, так будет лучше.

– Хорошо. Я сварю вам украинский борщ, – сказала я. – Бабушка научила готовить. Хотя сама она – не украинка. Под Петербургом родилась. Готовить борщ научилась для любимого мужа.

– Ну и прелестно! Начинай! – прервала меня Паола. Для кого я распинаюсь? Грустно.

Готовить борщ в Италии легко. Сухой осенний воздух сокращает время варки. Правда, не всегда можно найти белокочанную капусту. Да и на рынок нужно приходить в определенное время – с часу дня до четырех все закрыто. Но я местные особенности уже знаю. Свежую свеклу, правда, так и не нашла. Купила в супермаркете замороженную. Кстати, если буквально перевести слово «свекла» на русский, то получится «борода». Чья-то борода, но чья – не знаю. Не так уж я сильна в итальянском языке. Помыла я эту бороду. И даже положила в кастрюлю.

Когда резала морковь и лук, в кухню вошла Паолина. Ей пять лет.

– Налей мне воды! – попросила она и улыбнулась так же, как её мать. Слащаво. Тон её голоса был при этом приказной. Ну, в этом притворстве еще можно разглядеть что-то аристократическое, от дедушки. Хотя нет, эти замашки – от Паолы, дочери деревенского старосты. А вот и сама Паола – легка на помине, как говорят у нас в Харькове.

Что она пришла? Наверное, решила «подстраховать» меня, сварив макароны и приготовив к ним соус. Какая же она лживая! Попросила приготовить ужин, а сама не доверяет, вон, и правда макароны варит! Или она специально устроила соревнование? Хочет унижить меня? Доказать, что я никчёмная хозяйка? Ну, может, это и неплохо, что она увидела во мне соперницу. Поверила в возможность женитьбы Энрике.

– Накрой на стол! – приказала Паола. Вот так. Мысленно я уже вижу себя королевой. Но один грубый окрик, и мне указано истинное место в этом доме. Сейчас я положу салфетки, тарелки, ложки, и Паола будет ругать меня: «Всё не так надо делать». Однако подчиняюсь Паоле. Вспоминаются жалобы моей подруги Марины. Её родные обращались с ней так же, как Паола со мной, – как с Золушкой. Когда Марина рассказывала мне об этом, я возмущалась: «Как ты допускала такое?». А вот сейчас сама унижена. Мой дедушка в больнице, и, как бы я ни хорохорилась, ничто не может помешать Паоле выгнать меня из дому. И останусь я на улице. Независимая и гордая.

Всё случилось так, как я и предполагала. Сначала меня отчитали за неправильно разложенные салфетки и другие элементы сервировки обеденного стола:

– Ты даже не знаешь, что глубокие тарелки надо ставить на плоские!

А потом Паола забраковала мой борщ:

– Суп не может быть из свеклы. Что это?..

Когда после этого мне приказали – да, именно приказали, хоть и с улыбкой, придвинуть стул и поставить прибор для себя, я удивилась. Сажать прислугу после такого отношения к ней?

– Милая, надеюсь, ты руки помыла? – брезгливо спросила Паола. Дети засмеялись. Она смотрела, явно ожидая ответ. Мысленно улетев в родной Харьков, я ответила:

– Да, помыла.

– Но платье к ужину не догадалась переодеть, – продолжала она донимать меня. – Ну, да это ничего. Хорошо хоть фартук сняла.

А, между тем, Чезаре и Паулина, не дожидаясь разрешения, сразу набросились на макароны с соусом, а потом ещё и борщ попросили – им понравился запах. Они ели, громко прихлёбывая. И это дети графа?

Я тоже налила себе борщ – если они не хотят, могут не есть его. Сама срубая. Даже деньги за продукты могу им вернуть. Я же так давно не ела борщ! Всё макароны да макароны. Как итальянцы могут каждый день есть одно и то же? У нас не так. В понедельник – борщ, во вторник – рассольник, в среду – харчо... Но у нас суп едят на обед. А для итальянцев самая главная трапеза – ужин. Поэтому я и стала готовить борщ на ужин. И только сейчас вспомнилось, что у нас, в Харькове, суп вечером не принято есть. Надо же, а традиции забываются!

Андреа налил мне красного сухого вина – и на том спасибо. И всё же, зачем они посадили меня за стол?..

Дети, съев всё, что было на столе, попросили сладкое. Получив по печенью, они убежали в свои комнаты – к телевизору. Уверена, Энрике никогда бы не позволил маленькому Андреа поедать печеньё у телевизора.

– Дорогая, – Паола взяла меня за руку, отчего я вздрогнула. Сделала над собой усилие. Не отдёрнула руку.

– Мы нашли тебе работу в другом доме. У наших друзей бабушка больна, – сказала Паола.

Ну вот, карты раскрыты. Понятно теперь, зачем они меня за стол посадили.

– Энрике заплатил мне аванс. Я должна отработать ещё неделю, – ответила я, хотя можно было не сопротивляться – всё уже решено.

– Кхе-кхе, – сказал Андреа. – Энрике сейчас очень плох.

– В больнице сказали, что за ним нужен уход.

– Да, это правда, – вдруг согласился Андреа. Как будто он раньше не знал! Тут Андреа повернулся к Паоле:

– Дорогая, давай подождём несколько дней! Это же мой отец, – он взял Паолу за руку. А она, между тем, мою руку не отпускала. Такова она, семейная идиллия по-итальянски.

1

Все храмы в итальянских деревнях похожи – с большим круглым окном над входом, без куполов, с остроконечными крышами, увенчанные крестами. Не знаю я про эту архитектуру, не знаю, в каком стиле построены эти церкви, но многие – древние. Так говорили мне мои итальянские бабушки, у которых я работала сиделкой. Они ходили в эти храмы.

Службы здесь проходят так: торжественная проповедь в микрофон, пение псалмов по листочкам, сбор пожертвований.

Пригласив меня в деревню Сакраменто, Энрике в первое же воскресенье настоял на том, чтобы я пошла на католическую службу. Он не подумал, что я – православная и что здесь нет храма для меня. И все же я покорилась его желанию. Подумала, что так смогу отдохнуть от Энрике и от его семьи. К тому же сейчас середина сентября. В Реджио, где я жила раньше, в это время все ходили на службу, любовались святыней – Мадонной. Осенью её приносят в Реджио, а в остальное время она далеко, в другом городе.

В Сакраменто проповедь читала монахиня, и я на неё долго смотрела. Она напомнила мне мою бабушку из Пушкина. Монахиня тоже выделила меня из толпы: глянула своими тёмными глазами и, казалось, только для меня стала говорить о покаянии. Ну зачем? Я что, великая грешница? Конечно, грешница! По право-славным законам ходить в храм чужой веры, наверное, грех. Да и жить, не имея чёткой цели, как живу я, – тоже.

Закончив читать, монахиня сошла с кафедры. Я удивилась – она ростом с ребенка. Проходя мимо, эта женщина прожгла меня взглядом.

– В следующий раз накрывай плечи платком.

Интересно, а моя славянская внешность у неё не вызвала раздражения? Похоже, что нет. Если я накрою плечи платком, она, пожалуй, пригласит меня на трапезу после службы. Но нужно ли мне это?

Я вышла на площадь, шурясь от солнца. Местные мальчишки играли в мяч. Так же они вели себя в Реджио и в тех маленьких деревушках, куда мы ездили с моими «прошлыми» бабушками: в Пастильоне, Гарнаби, Бокале. Вздохнув, я огляделась и села за столик кафе у церкви.

Моей подруге, Марине, здесь бы понравилось. Она бы сфотографировала виды церкви, дома, мощеную неровную дорогу, закрытые деревянные ставни, кадки с цветами под ними. Но Марина уже в России.

Мы расстались с ней неделю назад. В свою новую жизнь она отправилась с дочкой. Вообще-то я хотела уехать с ней, но не смогла отказать своему другу Энрике. Из-за него я здесь, в Сакраменто.

И вот я люблюсь неровностями римской дороги, говорю «грации» улыбающемуся официанту, отдыхаю. А как иначе?

Через полчаса я окажусь у Энрике и буду укладывать старичка спать.

6

На следующий день в Тренто мы приехали вместе: я, Андреа, Паола. Встретив в коридоре человека в форме санитаря, я даже не сразу признала в нём врача Энрике. Зато он меня вспомнил, подошёл, поздоровался и будничным тоном сказал, что у Энрике – рак лёгких.

Паола, услышав это, демонстративно схватила за сердце. Да что это с ней? Наверное, статус будущей графини вскружил ей голову.

– Не пугайтесь. С этим диагнозом он сможет ещё прожить, – обнадежил Паолу врач. Обнадежил ли?

Больничная палата, куда поместили Энрике, на первый взгляд, сильно отличалась от наших палат. Койки на колёсиках со всех сторон прикрыты шторками. Тихо.

– А если мы денег тебе на дорогу дадим? Ты уедешь? – перестала притворяться в этой тишине Паола. И мне захотелось остаться в этой палате навсегда – лишь бы избавиться от её вопросов, а, точнее, от чувства стыда за неё. Ну, зачем она устраивает разборки в больнице? Услышать же могут!

Как она не понимает, что я не брошу Энрике! И дело не в моих меркантильных планах выйти за него замуж и получить наследство. Есть ли они, эти планы? Просто ехать мне некуда. Ну, не назад же, не в Реджио! Там меня никто не ждёт. Все мои итальянские бабушки умерли. Искать новых? Да не хочу я больше так работать! Податься в Россию? Встаёт вопрос денег. «Дорожных» от Паолы не хватит. А самое главное: Энрике – мой друг. Я не могу оставить его с ними.

А Паола и Андреа тем временем сказали:

– Мы поехали по делам! Договорились – ты в коридоре будешь ночевать.

Вдохнула с облегчением. Как хорошо, что они уехали. Так обрадовалась этому, что даже не заметила, как люди за шторками стали шевелиться. Послышался кашель Энрике.

– Ну, что, милая? Когда пойдём в мэрию? Жениться! Надо до смерти успеть! – Энрике засмеялся, и смех его перешёл в кашель.

– Вот выпишут вас из больницы, и побежим в мэрию, расписываться. – Зачем я так ответила? Старики, которые жили за другими шторками, оказались вовсе не глухими, тут же окрестили нас «женихом» и «невестой».

Приятно оказалось находиться в этой палате. Стариков я не видела, лишь слышала их кряхтение. И, что удивительно, запахов никаких здесь не чувствовалось. Ни лекарствами не пахло, ни хлоркой. Возможно, всё дело в клеёнчатых простынях, которыми застилают койки? Кстати, в палате оказалось шесть коек.

Все старики были больны раком. У кого-то это был рак желудка, у кого-то – мочевого пузыря.

Медсестры улыбались мне и ещё одной сиделке:

– Повезло вам! Они, в основном, спят. На обезболивающем. Работы с ними мало.

Кроме меня, в палате была ещё одна сиделка – девушка моего возраста, Марта. Профессиональная медсестра. Скромная, толковая, любящая делать уколы и рассуждать о болезнях. Если бы у родителей Марты имелись деньги на обучение, из неё получился бы прекрасный врач общей практики – так терапевтов в Италии называют.

Марте было тяжелее, чем мне. Каждый день, выбирая между болью в желудке и голодной смертью, «её» дедушка тихо останавливался на последнем. И никакие уговоры Марты не могли повлиять на него.

На второй день моего пребывания в больнице дедушка Марты, всем на радость, съел виноградку. Но через минуту его стошнило на больничную сорочку. Как хорошо, что она одноразовая! Впрочем, Марту это не порадовало. Она выругалась.

– Чёрт!

Это было сказано по-русски.

– Да, чёрт! – ответила я ей.

Мы поняли друг друга без слов и засмеялись.

Марта родилась в Италии, но её родители – русские. Она никогда не бывала в России, но всегда мечтала об этом. У её семьи не было денег на это путешествие. Узнав об этом, я прониклась симпатией к Марте и произнесла речь:

– Мы, люди, которые живем за границей, больше любим и ценим нашу культуру. Моё счастье связано именно с моей страной! Да, советский народ нищ! Да, он голодный! Но зато душевно удовлетворённый. Некоторые русские девочки думают, что в Европе есть всё. Будущее, семья, обеспеченность. Да, может быть. Но родной язык – есть родной язык. И родная кровь – есть родная кровь.

Марта смутилась и сказала:

– Тише. Дедушки спят. – А потом спросила: – А в России, правда, много лекарств выписывают? И ферменты при антибиотиках назначают?

– Правда.

Марта уже просветила меня в значении слова «ферменты». Приятно оказалось разговаривать на одном языке с девушкой, которая имеет увлечение в жизни – медицину. Как выяснилось, это не единственная страсть Марты. Она много расспрашивала меня про Россию:

– А люди там злые?.. Там, правда, много пьют?.. А старики там чаще умирают?

Было видно, что эта девушка с ясными голубыми глазами искренне любит родину своих предков и мечтает съездить туда. Харьков, конечно, не Россия. Хотя там все говорят по-русски.

Следующие три дня мы с Мартой много болтали. Нам было так интересно друг с другом, что я даже не чувствовала усталость от бессонных ночей – всё же в больнице ночевала! Просыпаясь, дедушки слышали наш смех, и этот звук среди их глухого кашля, наверное, приносил им радость. Во всяком случае, дедушки не мешали нам разговаривать. Лишь Энрике, стремясь показать, что он главный, иногда прерывал меня:

– Ну-ка, любимая, принеси мне воды!

А через три дня приехала Паола и стала вести себя так, словно это она жила в больнице при дедушке, а не я. Она разложила лекарства на его тумбочке, разгладила одноразовые сорочки в шкафу и даже раздобыла где-то поднос со свежим капучино. Правда, когда она принесла кофе в палату, Энрике спал. Паола не растерялась, посмотрела на меня и, не выпуская из рук подноса, спросила: «Ну, ты согласна уехать?» Ну, а что ей время в больнице терять?

В тот момент в глазах Паолы мелькнула надежда. И ещё какая-то злоба. Я вдруг поняла, что единственный способ защититься от этой злобы – сделать вид, что я приняла предложение руки и сердца от Энрике. Если я официально стану его невестой, тогда она, возможно, отстанет от меня.

– Паола, я никуда не уеду, пока Энрике жив. Он сделал мне предложение, и я приняла его. Я – невеста Энрике.

Чашки на подносе Паолы задрожали. Но она быстро взяла себя в руки и сказала:

– А у меня сегодня утром булочки подгорели. Руки обожгла. Вот они и дрожат.

Паоле было важно «сохранить лицо».

Она уехала, не попрощавшись с Энрике.

– Ну и особа! – сказал дедушка Марты. Эти старики спят намного меньше, чем хотят показать. Интересно, что они говорят о нас с Мартой, когда мы выходим помыть их чашки? Наверное, они называют нас «русскими девочками».

Конечно, мы русские. Как только провожу Энрике в последний путь, уеду в Россию. И плевать, что у меня мало денег. Кое-что я всё же скопила. Уеду.

О своих планах я сказала Марте. Она ответила:

- Счастливая ты! А у меня денег на поездку нет. Да и не привыкла я отдыхать.
- А ты подружись с моим дедушкой, с Энрике. Он добрый, может денег дать, – неожиданно для себя посоветовала я ей.
- Да он же скоро умрёт!

7

Ночь в больничном коридоре прошла, как всегда, тихо. Мой сон на кушетке был бы безмятежным, если бы не ярко горящие лампы и не шуршащая при каждом повороте моей головы клеенчатая простыня.

Утром этот неглубокий сон прервала Паола. Я узнала её по звуку семенящей походки. Как меня раздражает эта женщина!

Явившись, Паола, как всегда, стала наводить порядок на тумбочке Энрике. Ну, если она так заботится о свёкре, почему не подежурить ночью? Меня разозлила эта показная суета Паолы. Я ответила на это своей игрой. Подошла к бабушке и, глядя на Паолу, сказала:

– Энрике! Я решила принять твоё предложение!

– Правда? – спросил он.

Мне показалось, что он совсем не рассчитывал на моё согласие. И я сказала:

– Но для этого тебе придётся поскорее поправиться.

– Я согласен поправиться, – он посмотрел на Паолу и добавил: – Ради счастливой жизни в нашем доме.

Паола ничего не сказала. Я взяла использованные стеклянные пузырьки от лекарств, вышла.

На обратном пути в коридоре я вновь столкнулась с Паолой. Она посмотрела на меня с нескрываемой неприязнью и тихо сказала:

– А мы ему и гроб заказали!

Я прошла, сделав вид, что не услышала. Зачем обращать внимание на такое? Особенно, когда скоро я стану графиней. Представилось, как я еду на какой-нибудь бал – молодая богатая вдова. От этих мыслей стало страшно. Вечером Энрике отпустил меня в церковь, помолиться. Сказал немного холодно:

– Ты иди, за мной пока Марта присмотрит!

Когда я вернулась, Энрике держал Марту за руку. Марта смотрела на него в удивлении. Но руку не отнимала. Услышав, как я вошла, Энрике быстро повернул голову в мою сторону. По его глазам я поняла: он даст мне денег на поездку в Россию – откупится. Думаю, спрошу у него тысячи три евро. С моими пятью отложенными приличная сумма получается.

Через месяц Энрике выписали из больницы. И Марта прислала мне фотографию со дня счастливого возвращения Энрике. Марта сопроводила фотографию надписью: «Можешь поздравить! Мы поженились! Диагноз не подтвердился! У него был хронический бронхит!»

Как я рада, что не осталась. Теперь я живу в бабушкином доме, в Пушкине. Работаю в туристской фирме: каждый день встречаю группы итальянцев в аэропорту и, может быть, буду экскурсоводом. «Галлина!» – зовут меня туристы. И я смеюсь, вспоминая Италию.

ВЕРНИСЬ В РЕДЖИО

итальянская повесть

ЧАСТЬ 1

ДАША И ПЬЕТРО

Пожить вместе

Уже полгода Даша любила итальянца Пьетро в южноитальянском городе Реджио. О своих чувствах она говорила ему на английском языке, местный язык не знала и не учила.

Родные в нежелании учить язык её поддерживали: «Правильно! Нечего тебе, Даша, язык учить! Возвращайся в Россию!»

Маме и бабушке не верилось, что Даша, девушка из порядочной семьи, бросив всё, уехала в Италию надолго.

В отличие от женской половины семьи, папа Даши этому радовался. Пусть сидит там, пока в Москве Белый дом штурмуют. Он-то и дал ей денег на Италию. Папа работал проректором в вузе, неплохо зарабатывал.

Парень Даши, итальянец Пьетро, о событиях в Москве не знал. В 1993 году он болел за итальянскую футбольную команду «Лацио». Когда команда выигрывала, он готовил Даше салат из редкого реджийского фрукта – анноны. Попробовав впервые, Даша приняла этот аннон за банан – вкус одинаковый. Но Пьетро об этом она не сказала.

Пробуя еду, Пьетро с закрытыми глазами угадывал, из чего она состоит, вплоть до приправ. Да и сам он любил стоять у плиты. Когда он входил в кухню, то надевал смешной фартук с зайчиками.

Даша так любила этот фартук! Она вообще в моде разбиралась. Бабушка её приучила.

Даша с детства смотрела программы «Модная тусовка», «Выбор модника» и другие подобные, где показывали наряды. Бабушка, правда, за это её ругала: «Чему ты учишься! Там же говорят не по-русски! Одна иностранщина – бренд, фЕшен!».

Даша с бабулей соглашалась, но смотреть иностранные программы продолжала – слишком уж любила всё, что связано с модой.

А её Пьетро очень любил готовить. Правда, за эти полгода совместной жизни он не только стоял у плиты. Он сразу, по приезду Даши, сбегал в местную администрацию и добился для неё вид на жительство, сказав, что она у него работает. После этого Даша окончательно упала в глазах бабушки: «Стыд потеряла! Служанкой работать!».

Даше было грустно от этого. Ведь бабушка, которая сама когда-то сбежала из родного аула адыгов, но сохранившая при этом «стыд» до свадьбы, была для Даши авторитетом.

Мнение бабушки, её принципы, были важны для Даши. Именно бабушка водила Дашу в школу, пока её папа работал, а мама занималась своим здоровьем.

Но желание Даши пожить вместе с Пьетро оказалось сильнее. «Как же замуж выходить без этого?», – оправдывалась она.

Папа Дашу поддержал: «...Правда, могли бы и у нас... Что я? Не помог бы? А там, со временем, и поженились бы...».

Пьетро же считал, что в тридцать лет заводить семью рано. Да и стоит ли связывать свою жизнь с женщиной, которая не умеет готовить макароны? Впрочем, о его мыслях Даша могла лишь догадываться – итальянский она не знала, а ломанный английский мало в этом помогал.

Встретились они в Испании, на корриде. Это была первая поездка Даши за границу – щедрый подарок родителей после первого курса. Папа гордился, что смог купить дочери турпоездку. Отвозя её в аэропорт, он спрашивал, правда ли, что ей не пришлось проходить инструктаж о том, как вести себя «там». Ему очень нравилось слышать в ответ: «Да, правда».

На корриде она сразу отметила Пьетро. Он сидел неподалёку. Наголо стриженный, нос то ли сломанный, то ли с горбинкой, пухлые губы, крепкая коренастая фигура. Одним словом – бык. Той же ночью он доказал ей, что внешность не обманчива. Сила в нём была.

После ночи с Пьетро мир Даши переменился: она стала видеть не только красивые платья, но и женщин за ними. Как правило, они улыбались.

«На отдыхе легко поймать кайф», – порадовалась за этих женщин Даша. А заодно и за себя.

Но, конечно, не по этой причине она переехала к Пьетро, в Италию. Ей просто захотелось жить самостоятельно. Она решила начать с Италии.

Нельзя сказать, что в родном Петербурге её сильно стесняли.

С восемнадцати лет, уже год, ей разрешали ходить в ночные клубы, чем Даша не пренебрегала, хотя выбирала вечеринки, на которых устраивали модные дефиле или шоу, связанные с украшением дома. Например, ей нравилось посещать выставки экибаны.

Когда Даша бывала на вечеринках, папа и мама часто звонили и спрашивали: «Ну как ты там отрыва-ешься?». И в словах этих звучал укор. Все родные хотели познакомиться с её подружками. Но ей не с кем были их знакомить – Даша никогда не чувствовала потребность иметь подружек. Родные расстраивались. «Ты нам не доверяешь», – говорили папа и мама. Соглашалась с ними, кивала.

То, что в Реджио её милый с ней жить не стал, не расстроило её. Пока он находился у своих родителей, она могла читать модные журналы, заниматься своей внешностью и домом. Последнее Даше особенно нравилось в Реджио. «Здесь столько вещичек для дома!», – не переставала восхищаться она, прогуливаясь центральной пешеходной улице Корсо Гарибальди, что находилась недалеко от их с Пьетро квартиры.

Даша покупала красивые скатерти и столовые салфетки, рюши и кисточками для штор, свечи с любимым ароматом лаванды и другие штучки, о которых в России только мечтали – в то время модные аксессуары для дома в Петербурге были в новинку.

Накупив модных вещей для дома, Даша целыми днями занималась его украшением: шила модные чехлы для подушечек, склеивала вазы из морских реджийских ракушек, стирала пыль с полок, добавляя в раствор итальянское средство для чистки мебели – где такое найдёшь в России! Занимаясь уборкой в доме, Даша не забывала надевать перчатки. «Руки надо беречь, – думала она. – Потому что маникюр в Реджио дорогой!».

С деньгами, впрочем, проблем не было. Папа «подкидывал» на еду и одежду, Пьетро на квартиру давал, но, главное, у нее появился свой собственный доход. Наконец-то статьи про моду, которые она стала отправлять в журналы еще в Петербурге, начали приносить деньги. Видно, местный итальянский воздух положительно повлиял на ее вдохновение.

В общем, она бы сказала, что стала в Реджио счастливой, если бы не тоска по родным.

Родные... Они были единственными, по ком грустила Даша.

Папа – проректор в вузе. Да, он много работал и редко бывал дома, но как же он замечательно топил баню в их загородном доме! Где на юге Италии найдёшь такую баню?

Мама. Она жила, регулярно сдавая кровь на сахар, холестерин и железо. И хотя в целом у мамы никогда проблем со здоровьем не было, кто знает, может быть, это благодаря тщательному контролю за собой. Находясь рядом с мамой, Даша никогда не знала забот о здоровье.

Бабушка. Её пирожки вкуснее любых макарон.

Когда в Реджио провели интернет, Даша сразу же скачала телефонную программу «Скайп». Её даже не смутило, что эта новинка оказалась на английском.

Пьетро поддержал её инициативу: «Надо знать, где будет следующий чемпионат по футболу. Может, в России? К твоим родным тогда съездим. А то здесь в Реджио знаем только, что за ближней яблоней в саду, и то – потому что соседи рассказывают».

Что могла ответить на это Даша? Соседей по дому она не знала, и они ее не очень интересовали. В многомиллионном Питере она привыкла не знать, того, кто живет за стеной. А Пьетро, похоже, знал всех, кто жил в палаццо его родителей. Если это его устраивало – дело хозяйское.

Даша не спрашивала, но, видно, Пьетро и сам задумывался о том, что жили они... не совсем правильно. «Мои родители в годах. Я не могу уехать от них», – иногда без причины начинал вдруг он. За этими словами, Даша чувствовала, стояла его неготовность жениться и жить своей жизнью. Что ж, она тоже не чувствовала в себе желание «надеть кольцо на палец». Но предложение руки и сердца, что скрывать, услышать хотелось.

Как бы ни любил Пьетро своих родителей, у него хватало сил и на то, чтобы вставать каждый день на час пораньше и каждое утро будить Дашу ароматом свежесваренного кофе.

Он приезжал к Даше каждый день, даже в нена-стье, что несло с собой риск. Новенькие итальянские дороги не то что ухабистые, но видимые за километры вперед русские. В Италии автострады проходят меж гор. Все они с резкими поворотами, не различимыми во время ливней и туманов. Дорога к родителям Пьетро была именно такой.

Но Пьетро преодолевал все трудности. И в награду Даша каждое утро прижимала к губам его голую голову и вдыхала приятный запах крема от загара. Пьетро работал автомехаником, часто бывал на солнце, без защитного крема не мог.

На работу он уходил, позавтракав с Дашей булочкой с кофе. Оставшись одна, она, несмотря на любую погоду, первым делом открывала журнал для женщин и начинала с важностью размышлять – что надеть? Макси или мини?

Она любила моду. Она даже мечтала перевестись на отделение дизайна в Сочинский институт моды, но его никак не могли организовать, только рекламировали. А вот перейти на заочное отделение родного, петербургского, экономического факультета удалось – помог папа-проректор.

Ровно в час дня Пьетро приходил поесть. Закрыв за собой дверь, он обнимал Дашу, а потом по-деловому клал соль в кипящую воду. В перерыве между резкой овощей Даша на своём ломаном английском часто пыталась рассказать Пьетро что-нибудь о России: «К нам Стинг недавно приезжал». Но Пьетро никогда не выслушивал её: «Обед – важнее. Это – удовольствие», – говорил он. Иногда из-за еды откладывалось другое удовольствие. Ей это не нравилось.

Но её Пьетро, презренно называемый бабушкой «гражданский муж», не соглашался ни на что, не пообедав. Даша смирялась. Она знала, что с половины третьего до половины четвертого настанет время полдника. И этим полдником станет она. А потом, когда в четыре часа перерыв на работе закончится, он вновь убежит – ремонтировать машины и обсуждать с коллегами футбол.

На пути из автомастерской он опять заходил к ней, целовал и говорил:

– Завтра ужин готовишь ты. А сегодня я еду к маме.

Но когда наступало это «завтра», он «не помнил» про него и вновь говорил:

– Завтра ужин готовишь ты. А сегодня я еду к маме.

Даше это не нравилось, и часто она, на эмоциях, переходила на русский. Пьетро не понимал.

Оставшись одна, Даша открывала Интернет, искала нужные слова в английском, а, бывало, и в итальянском, но... Через какое-то время у неё пропадало желание объясняться с Пьетро, и она выключала компьютер. «Может, это хорошо, говорить только языком любви, – размышляла она. – Может, и хорошо, что к походу в церковь этот язык не приводит...» Она не знала, готова ли выйти замуж. Но предложение руки и сердца услышать хотелось.

По воскресеньям размеренная жизнь Даши становилась разнообразнее. После полдника она выходила на пляж и общалась с русскоговорящими девушками – украинками, грузинками,

молдованками. Они работали в Реджио сиделками. Ухаживали за итальянскими бабушками. Их отпускали только по воскресеньям, с двух до шести дня. Таковы порядки в Реджио.

Хотя на реджийском пляже не принято было говорить о трудностях, Даша сразу поняла: жизнь этих девушек не была легкой.

– Я ничего, кроме Реджио, не видела. Как закончила девятый класс – сразу сюда. А здесь я – никто, – обмолвилась Галя. Она – украинка из Харькова. Лицо ее всегда было усталое.

– Я люблю мужчину, у которого работаю. И он относится ко мне как к служанке. Как жить? – обронила в одно из воскресений другая славянская девушка, светловолосая, сероглазая Наташа. Деньги, зарабатываемые в доме любимого мужчины, Наташа отправляла на лечение мамы, в Кишинев.

Услышав их недомолвки, Даша стала опасаться, что и сама станет для Реджио одной из таких – иностранкой без права голоса. «Но у меня же есть семья! Я всегда могу вернуться к ним!» – пыталась утешить она себя.

– Учить надо. Учить язык. Есть язык – и тебя признают», – развеяла однажды её сомнения Марина. Эта девушка, в отличие от Гали и Наташи, родилась здесь, в Реджио. Но она предпочитала общество эмигранток, потому что муж её – русский, хотя и бывает в Реджио. Эмигранток она любила, потому что любила Россию. А ещё потому, что их проблемы были ей знакомы. Марина и сама была в подобном положении – только не в Реджио, а в родном для Даши Петербурге.

Впрочем, реджийское солнце, ласкающие на пляже молодых девушек, не располагало к душевным беседам. Да и нечего было сказать в ответ Даше: местные традиции её не очень интересовали. Хватало и своих, личных увлечений домашним уютom, собственной внешностью, интернациональной модой.

А ещё Даше нравились местные закаты.

Солнце здесь падает за горы Сицилии, красиво освещая при этом горные долины. Своими закатными лучами солнце каждый вечер освещает весь пляж Реджио. Лучи делают тени длинными и косыми и словно зажигают и девушек, и лодки, и рыбаков. А эти парни тоже любят вечернее время – в эти часы они ловят маленькую рыбку, внешне напоминающую питерскую корюшку. Поймав, они обязательно покажут свою добычу какой-нибудь симпатичной девушке. Даже если эта девушка – незнакомая. Иногда, по воскресеньям, такой «незнакомкой» оказывалась Даша.

Если Пьетро видел, как к Даше подходили рыбаки, то сразу спешил к ней и брал за руку. Это было так романтично! Иногда Даша специально провоцировала рыбаков. Потому что в других ситуациях Пьетро давал ей романтику по расписанию.

«Эх! Ну, а что взять с мужчины, для которого так важны макароны?» – огорчалась, что «по расписанию», Даша.

Ей было с кем сравнивать Пьетро. До Пьетро у Даши был уже парень в России. С ним можно было говорить о чём угодно. Это было интересно. Говорил он много, но делал мало.

Через полгода жизни с Пьетро она всё чаще стала вспоминать своего русского парня. Он очень любил историю. А Пьетро – только вкусную еду и Дашу.

Конечно, отношения с Пьетро не ограничивались совместными обедами. Бывало, они ещё и гуляли. Заходили в любимые Дашей магазины. Как хорошо, что и Пьетро нравились футболки, шорты, «шлепки», часы, солнечные очки, кремы от загара. Да, он любил вещи. А если эти вещи продавали со значительными скидками, то он их просто обожал. Наблюдения Даши, что, подчас, в соседнем магазине можно купить похожую обувь дешевле, Пьетро игнорировал. Надписям «сконто» – скидка – он радовался как ребёнок. Не хотелось ничего замечать. Что ж, дело хозяйское. Даша его и таким любила.

Обычно они гуляли, взявшись за руки. Иногда ещё и целовались.

Однажды, во время такой прогулки, Даша сказала:

– Ты знаешь, что улица, по которой мы идём, называется Акениз. Она – древняя. Она здесь с тех пор, как была Великая Греция.

– Ну... – ответил Пьетро.

«Нет, он не как прежний мой парень. А хорошо это или плохо?», – на этот вопрос Даша пока не могла ответить.

Её беззаботный итальянец не хотел задумываться о будущем, а вот по сторонам он глядел. Будто искал что-то... Неужели книжный магазин, чтобы купить книгу об улице Акениз?

Гуляя с Пьетро по этой улице, Даша не раз оступалась. Потому что камни дороги были неровные. Видно, землетрясения сделали их такими. Смотря на эти древние камни, легко представлялось, как по ним ходили люди в древних тогах. «Надо бы посмотреть в интернете, какие фасоны тогда были в моде, – размышляла Даша. – Тогда мода, наверное, была интереснее. Не то, что сейчас в Реджио – все болтаются в шортах и майках. Как скучно!».

Как-то, прогуливаясь с Пьетро, они оказались у Арагонского замка.

– Давай зайдем! – предложила Даша.

– А я думал, замок закрыт на ремонт!

– Мы уже полгода как работаем! – вмешался администратор. Даша и Пьетро вздрогнули, услышав английскую речь. А этот высоченный администратор оказался образованным. И глаза у него умные. «Надо быть осторожнее. Не болтать лишнего на улице, – подумала Даша. – Вдруг он не единственный умный парень в округе?»

– Ну, пойдем! – потянул её за рукав Пьетро. – Нечего тут всех разглядывать.

– У нас две башни. Чтобы подняться на первую башню, надо пройти прямо, а во вторую вы попадёте через первую, – останавливал их администратор, но они не поддавались, шли вперёд. – А после напишите что-нибудь в книге отзывов, – донеслось вдогонку.

Поднявшись, Даша попала в зал круглой формы со множеством выходящих из него маленьких комнаток и подумала, что в этом зале маги творили волшебство. Из окон одной комнаты виднелась всё та же Сицилия. Красиво. И тут Пьетро поцеловал её. И Даша полюбила этот замок, этот город, полюбила его за то, что получала в нём любовь, хотя и по расписанию.

Спустившись ко входу в музей, Даша написала: «Ми пиячутто молтиссимо». Наверное, написала с ошибками. Но разве это важно? Как только она оставила отзыв, подбежал администратор.

– Вы не забыли расписаться?

Даша улыбнулась в ответ.

Пьетро это не понравилось.

Он обнял Дашу и сказал администратору: «Увидимся позже». Даша без перевода поняла этот ответ и усмехнулась: «Да, конечно! Будет рад Пьетро, если работник замаячит перед ним. Как же!»

– Пойдем, купим фрукты! У нас нет! – увлёк Дашу на улицу Пьетро.

«Мужчины- итальянцы – настоящие „хозяюшки“! Знают что почем. А некоторые, оказывается, ещё и историю знают», – обернулась в сторону замка Даша.

И они пошли в обратную от дома сторону. На маленьком крытом рынке строгая на вид старушка взвесила им свежие груши. Потом она сказала: «Здравствуй, детка!» Это и надо было Даше. Она вышла довольная. Жаль, что в России продавцы не умеют так поднимать настроение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.